

ЛАНА ЛАНИТОВА

ТЪМА ЕГИПЕТСКАЯ

Русский эрос

Глаша и Владимир

Лана Ланитова

Тьма египетская

«Автор»

2022

Ланитова Л.

Тьма египетская / Л. Ланитова — «Автор», 2022 — (Глаша и Владимир)

«Тьма Египетская» – это шестой роман из эротико-инфернальной серии о «Глаше и Владимире». Начало серии можно прочитать в романах «Глаша», «Царство прелюбодеев», «Блуждание во снах», «Михайловская дева» и «Глаша 2». В новом романе автор продолжает свой рассказ о диковинных приключениях главного героя, сердцеда и сластолюбца, дворянина Владимира Махнева в «Царстве прелюбодеев». В этот раз демон по имени Виктор даёт Владимиру и его друзьям практическое задание: самостоятельно изготовить прекрасных рукотворных нежитей. Как справились с этим поручением наши герои, вы узнаете, прочитав эту книгу. Помимо лабораторной магии вас ждут полеты в Древний Египет, и встреча главного героя с таинственной и всемогущей незнакомкой. Похоть, страх и мистические тайны сопровождают наших героев и в этих приключениях. Книга изобилует откровенными эротическими сценами и содержит ненормативную лексику. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

© Ланитова Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	7
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лана Ланитова Тьма Египетская

*Из миража, из ничего
Из сумасбродства моего
Вдруг возникает чей-то лик
И обретает цвет и звук
И плоть, и страсть
И плоть, и страсть*

*Нелепо, смешно, безрассудно
Безумно, волшебное.
Ни толку, ни проку
Не в лад, невпопад совершенно*

Юлий Ким.

Вместо предисловия

Дорогие и любимые мои читатели!

Я хотела бы немного повиниться перед вами. В заключение романа «Глаша 2» я написала фразу о том, что следующая книга станет завершающей в этой эротико-инфернальной серии. В тот момент я и вправду думала, что это будет именно так. По крайней мере, мне бы этого хотелось. Но...

Писатели – это люди, мягко говоря, странные. И мало того, что они, получив благословение небес на сие тревожное ремесло, начинают активно общаться с музами, диктующими им свои немыслимые и порою такие экстравагантные истории, но, помимо этих прекрасных соавторов, им приходится общаться еще и с героями собственных книг.

Как только я решила закончить серию написанием шестой по счету книги, ко мне обратились её герои и задали вполне себе резонные вопросы: «Ты решила от нас избавиться? Ты хочешь нас бросить? Отчего так быстро? Разве тебе было плохо с нами? Но ты же еще не успела так многое о нас рассказать. И куда мы теперь? Кому мы теперь нужны?»

Наперебой меня принялись совестить все те персонажи, которые проживали в «Царстве прелюбодеев». Они стыдили меня за лень, недальновидность и полную безответственность.

Точку во всём этом многоголосье поставил тот, кто имел на это больше прав. Возле самого уха я услышала голос демона, по имени Виктор.

Спокойно, но довольно твёрдым голосом он вынес окончательный вердикт:

– Повременить с финалом... Сие еще не окончание. Я скажу вам, мадам, когда вы сможете поставить в этой истории точку.

А после, чуть смягчившись, сверкая обворожительной улыбкой, демон добавил:

– А пропос, с кем еще, госпожа писательница, вы сможете так от души веселиться, как не с нашей славной компанией? А потому я настоятельно прошу вас, немного повременить и остаться с нами. Успеете еще упорхнуть в другие миры. Пока еще вы наша. И мы вас никуда не отпускаем.

И мне ничего не оставалось, как пойти навстречу пожеланиям героев этой книги.

Засим, посыпая голову пеплом, спешу вам сообщить, что эта, шестая книга, не является логическим завершением всей этой странной истории.

А далее, как Бог даст. Там посмотрим. Ну, или мне сообщат.

С улыбкой, ваш автор Лана Ланитова.

Глава 1

Его разбудили странные звуки. Это были глухие и монотонные удары. Они доносились откуда-то снизу.

«Что это, чёрт возьми? Кто это долбит? Кому там нечем заняться?»

Спросонья плохо думалось. Он перевернулся на другой бок и вновь задремал. Но стуки усилились. И тут он вспомнил! Вспомнил всё, что случилось накануне, и подскочил на кровати, словно ужаленный.

«О, чёрт! Неужели так быстро? Но почему они стучат? И кто они?»

Босые ноги нащупали сафьяновые домашние туфли. Руки ухватились за полы халата. Холодный глянец темного шелка, расписанный красными циньскими драконами, ускользал из-под дрожащих ладоней. Негнущиеся пальцы путались в завязках. Тело отчего-то вмиг покрылось отвратительной липкой испариной.

Владимир чертыхнулся еще раз и кое-как натянул на плечи свой легкомысленный домашний наряд.

– Выкину я этот халат. Как он мне надоел. Я в нём словно сибаритствующий купчик или старая кокотка из Кафешантана. Только папильоток в башке не хватает.

Он медленно подошел к комодному зеркалу. Руки уперлись в лакированную поверхность столика.

– Ну, и что ты не кривляешься? – хмуро поинтересовался он, глядя исподлобья на собственное отражение. – Давай, обряди меня снова в какое-нибудь чучело. Надевай на голову шутовской колпак. Я же для вас словно фантош балаганная. Затевайте новый спектакль. Чай, прежние-то вам уже наскучили? Чем на этот раз порадуете, господа «смотрители»?

Из груди вырвался вздох. Ему показалось, будто вместе с ним протяжно вздохнули сами стены его комнаты. Из-за закрытой двери уборной тоже раздались чьи-то притворные всхлипывания и лицедейское трубное сморкание.

– Ну-ну, – усмехнулся Владимир.

Зеркало, любившее наряжать своего хозяина, отчего-то на этот раз отражало вполне себе обычную реальность.

«И это не к добру, – подумал Владимир. – Видно, ждет меня сейчас такой подарочек, что всем чертям в этом лукавом царстве станет тошно».

Стуки из подвала повторились вновь.

Владимир с тревогой посмотрел на собственное отражение. Пальцы коснулись небритого подбородка.

– Чего ты оробел, Махнев? Тебе ли бояться всей этой фантомной чепухи? – вслух произнес он. – Как ни оттягивай, но сей прекрасный миг неотвратим. Каждый творец рано или поздно знакомится с плодами собственного гения. Или злодейства. Тут уж как повезет.

Он медленно развернулся и решительно двинулся к выходу.

Как только его нога коснулась ступеней, ведущих на первый этаж, знакомое нашим читателям плутовское зеркало, дрогнуло. По блестящей поверхности пробежала затейливая и тонкая волна, замигали красноватые огни, и зеркало вмиг обрядило своего уходящего хозяина в долгополую темную рясу средневекового алхимика. Русые и волнистые волосы нашего героя поседели и отрасли длинными неровными прядями вплоть до самых лопаток. Весь облик постарел и ссутулился. А вокруг, вместо отражающихся веселеньких обоев и фривольных красоток в картинных рамах, появились закопченные стены колдовского подземелья. Зеркальный образ Владимира был замутнен клубами желтого пара. На нечетком контуре длинного, грубо сколоченного стола, заставленного склянками, иготями и бутылками темного стекла, покоилась пузатая реторта с маленьким, лимонного цвета гомункулом, похожим на рогатого чёртика. И

чёртик этот строил смешные рожицы, выскакивал из реторты, кривлялся и показывал красный длинный язык.

Наше распрекрасное зеркало отлично знало во что «рядить» своего хозяина. Но сам Владимир уже не увидел старания его домашнего шута. Не смог он и по достоинству их оценить.

Итак...

Владимир спустился на первый этаж.

В несколько шагов он преодолел пустую и чистую столовую, вышел в коридор и увидел ту самую, новую дверь, которая вела в подzemелье. Эта дверь одним лишь взмахом аристократически тонкой руки, к немалому удивлению нашего героя, была открыта несколько дней тому назад. И кем бы вы думали? Ну, конечно, вездесущим и всезнающим демоном, по имени Виктор...

Владимир толкнул крепкое дубовое полотно. Дверь с легким скрипом отворилась. Из темноты потянуло сыростью, горьким ароматом сушеных трав, касторкой и прочей аптечной дребеденью.

Владимир шагнул на каменную ступеньку и едва перевел дух. Сердце билось возле самого горла, руки все так же предательски дрожали.

«Неужели они уже вылупились? – лихорадочно думал он. – Вылупились и стали стучать? Но зачем? Когда успели? Что им надо?»

Он боялся увидеть самый первый результат собственного рецептурного чародейства. Боялся до чёртиков.

«Интересно, и чего я там наколбасил? – с опаской и стыдом думал он. – Даже если у самого Горохова первые года выходили хвостатые нежити, то, что же путного могло получиться у меня?»

Стараясь унять волнение, он спускался по ступеням ровно до тех пор, пока не уперся в длинный подземный коридор, освещенный одиноким газовым светильником. Стены коридора были облицованы серым камнем. Здесь царил влажный полумрак. По обеим сторонам от входа шли массивные дубовые двери.

Как и ожидалось, стуки доносились из главной лаборатории. Оттуда, где он несколько дней тому назад произвел первую «закваску» нежитей. Сия «гадость» была сотворена им по стариной колдовской рецептуре, из гримории¹, которую предоставил ему Виктор.

Гриморию он изучил. Вернее прочитал, как ему казалось, довольно внимательно. Не всю книгу. Виктор велел прочитать лишь введение и первые три главы. Даже если бы он сам, ради собственного любопытства или по научному рвению, возжелал прочитать более трёх глав, это вряд ли бы у него получилось. Ибо далее третьей главы плотные страницы древней рукописи не желали открываться. Со стороны казалось, будто они склеились или превратились в единый, чуть шероховатый монолит.

– Ты все внимательно прочел? Все ли понятно? – строго вопрошал учитель.

– Ну, как вам сказать... – в замешательстве отвечал Владимир. – Иногда мне кажется, что буквы в этой премудрой книжице скачут сами по себе. Меняются и цифры. Вот вчера, например, на этой страничке шел параграф за номером пять, а сегодня он отчего-то сделался девятым. Поменялись и пропорции замеса. Я же чётко помню, сколько семунций пота изюбра предлагалось класть в иготь для первого замеса...

– Ну, это нормально, – лукаво перебил его Виктор. – Книжица сия, как ты понимаешь, непростая. Я взял ее из монастыря имени святой Бригитты.

– Прямо у монахинь?

¹ Гримория или *grimoire*, от франц. *grammaire* – средневековая книга, в которой, как считалось, описываются магические процедуры и заклинания для вызова духов (демонов) или содержатся какие-либо колдовские рецепты или заклинания.

– Не совсем. Представь себе, в одной закрытой келье, среди послушниц, жил старый лекарь по имени Маркус. Вот этот – то лекарь, освобожденный от тягот монашеской жизни, и посвятил долгие годы составлению этой гримории. И труд сей, я тебе скажу, вышел весьма отменным. Да и сам Маркус на старости лет по собственным затейным рецептам изготавливал неплохих, прямо так скажем, нежитей – инкубов и суккубов.

– Зачем они ему понадобились? – хмыкнул Владимир.

– История о том умалчивает. Но, я могу уточнить, если ты желаешь. Знаю я лишь только то, что Маркуса этого все монахини монастыря почитали за тихого отшельника, ведущего жизнь почтенную, в молениях и полном затворничестве. Но если бы кому-то из них вдруг пришло в голову проследить за его тихой жизнью и навеститься к нему среди ночи, то их бы поразили странные звуки, доносящиеся из-за плотной двери его кельи.

– Да? И какие же?

– Ну, например, они бы слышали там женский смех.

– Вот как? – Владимир хмыкнул. – Значит, он приглашал дам прямо в монастырь? Прихожанок?

– Прихожанок, угу. Но, не горожанок! – хохотнул демон. – Не из проявленного мира, а из других пределов. Да, что ходить вокруг да около. У Маркуса часто гостили ведьмы, нежити, вурдалаки и прочая нечисть. Да он и сам, согласно древним рецептурам, создавал отменных суккубов, не выходя наружу целыми месяцами. А маленькая келья его раздвигалась внутри до чёрт знает, каких пределов, – Виктор хохотал, показывая белоснежные зубы. – Ах, если бы ты только знал, чем же закончилось всё это безобразие.

– Чем? – глаза Владимира горели неподдельным интересом.

– Однажды он объявил монахиням, что грядет день и час его смерти. Что предначертано ему вскорости покинуть земную юдолю. И просил справить по нему тризну и долгое заупокойное моление. Монашки переполошились. Стали предлагать помощь. Понесли к нему мёд в тuesках и освещенные просвиры. Но Маркус, чей лик был далек от смертельной бледности, взирал на скорбящих монахинь глазами молодого здорового мужчины, чем многих послушниц ввел в легкое смятение. Наконец, настоятельница изъявила желание, самолично навестить нашего болезного друга. И Маркус, лежащий на кровати, слабеющим голосом поведал ей о том, что дни его уже сочтены. Добавив, как бы, между прочим, что за свою праведную жизнь Господь может призвать его к себе напрямую. И что вполне себе может случиться и так, что все монахини скоро увидят его скорейшее вознесение на небеса. Настоятельница была весьма удивлена подобному заявлению, но перечить Маркусу не посмела.

– Вот как?

– Да, представь себе, и «вознесение» таки состоялось.

– Ну?

– Да! Ровно в полночь Маркус вознесся, а вернее вылетел из трубы собственной кельи. И полет сей сопровождался снопом огненных искр и задымлением серными парами. Маркус вылетел из трубы, словно пробка из Дом Периньона. Раскинул тонкие руки по сторонам, на манер сына Божьего и завис черным изваянием над собственной кельей. Запоминающееся, я тебе скажу, и жуткое было зрелище. Правда, вместо тернового венка голову этого проходимца венчал весьма легкомысленный венок из полевых ромашек.

А прямо в ночном небе нашего схимника подхватили за руки местные ведьмочки на мётлах и унесли болезного в неизвестном направлении. Я имел честь, лицезреть, так сказать, всё это лицедейство. Выглядел сей балаган довольно забавно. А после? Ждать утра я, конечно же, не стал, а взял со стола у схимника сию гриморию и присвоил ее себе. У меня ей будет намного спокойнее, нежели в шкафу у старшей монахини. Монахиню я оставил в покое. Уж очень она была благочестива. А гримория? Вот она, родимая, – глаза демона лучились от смеха.

Виктор с интересом листал пожелтевшие страницы, исписанные рукой «вознесшегося» чернокнижника Маркуса, которые с легкостью открылись для него от первой до последней главы.

– Ох, как тут много всего! – демон качал головой. – Есть даже глава о сотворении суккуба в образе аббатисы. О, как! Ай, да Маркус! И все это под стенами святой церкви. Каково?!

Демон расхохотался. А после вновь сделался серьезным. Почти строгим.

– Ты, Махнев, читай вдумчиво. И рецептуру всю точно соблюдай. Я там тебе мензурки, колбы, иготи и весы аптекарские доставил. Все есть. А то, что книжица сия корчит тебе рожицы, так ты на это не обижайся. Ты для неё новый человек. Она душу каждого насквозь видит.

– Да? – подивился Владимир.

– А как же? Кто ты есть для премудрой книжицы? Жуир, бонвиван и франт нижегородский. Холеный дворянчик. Лицо, крайне некомпетентное в колдовских делах. Невежда! Она-то привыкла иметь дело с такими отшельниками и схимниками, как Маркус и ему подобными. Книжица сия знает, кого уважать. Она уважает тех, кто над ней спину свою гнул десятками лет.

– Тогда пиши пропало, – уныло отозвался Владимир. – За что ей меня-то уважать?

– Не за что, – согласился демон, оправив перед зеркалом свои роскошные рыжие кудри. – Ну, ничего. Может, покуражится малость, да и привыкнет к тебе. Снизойдет, так сказать. Кстати, она у тебя не летала еще по комнате?

– Нет. А должна была?

– Кто ж ее знает... Она же живая. Видишь, странички шевелятся, будто дышат. И светится она ночами зеленым светом.

– У меня синим светилась, – хмуро отозвался Владимир.

– Да? – демон удивленно посмотрел на своего ученика. – Ну, пусть и синим осветилась. Что с того? Ты читай. И отмеряй все правильно.

Рецептуру Владимир соблюдал. Отвешивал все ингредиенты аптекарской лопаткой по унциям, семунциям, скурпулам и либрам. Точно так, как и было указано в гримории.

Но, видимо, хитрая книжица, не желавшая до поры летать, решила отомстить ему иначе – довольно подло и по-крупному.

Еще вчера он проверял готовность «замеса». Нежити едва лишь научились ползать по дну кадки и походили скорее на склизких и отвратительных червей. Но, что пошло не так? Сколько же дней он проспал? Неужели он проворонил их рост, кормление и прочие действия? Теперь он вспоминал о том, что вчера сильно устал. Едва добрал до кровати, как рухнул на нее без чувств и забылся крепким сном. Сколько же времени он проспал?

«Спокойно, – Владимир перевел дух. – Чего я так разволновался? Даже, если вышло всё не так, как надо, то все «непотребства» исчезнут ровно через три дня. Нежити долее не живут...»

Внутренне он был готов к тому, что внешний вид рукотворных субъектов мог его сильно разочаровать. Да, их внешний вид мог не соответствовать его ожиданиям и общепринятым канонам. Хотя, он честно и довольно детально представил их образы. Мало представил – перед закладкой ингредиентов он вслух проговаривал все антропометрические данные. Указывал рост, вес, цвет глаз и волос. И что же?

Он решительно распахнул дверь. И тут же замер. Глаза нашего героя расширились и поползли на лоб. Нет, он, конечно, допускал какие-то отклонения в форме, легкие несоответствия. Или, скажем, «хвостатость». Бог бы с ней, с «хвостатостью»... Если бы только она...

Как выяснилось позднее, «хвостатость» все же присутствовала у всех троих субъектов. Как же без нее? Но, кабы дело было только в ней.

Стук издавала довольно сублильная нежить. Она, как и ожидалось, была-таки мужского пола. Инкуб. Он стучал пустой кадкой о каменный пол. Остальные двое...

Владимир внутренне поблагодарил предусмотрительного Виктора, который порекомендовал кадки с «первым замесом» поместить в отдельные клетки, похожие на маленькие тюремные камеры.

– Мало ли чего, – посмеиваясь, произнес демон. – Ты со своими способностями можешь нечаянно сотворить такие гадости, что всем чертям в моем царстве станет тошно. А потому, от греха подальше, замкни ты каждую свою «детину» в отдельную камеру.

Виктор был прав. О, как, чёрт возьми, он был прав! Владимиру даже стало страшно, когда он представил себе, что без решетки эта странная троица могла бы вылезти из подземелья, добраться до него самого и сотворить уже с ним нечто непотребное.

Итак, о троице...

Самый subtilный субъект был более прочих похож на настоящего человека. Именно он жалобно всхлипывал и стучал о каменный пол пустой деревянной кадкой. Владимир приоткрылся к новорожденному инкубу. Цвет его обнаженного тела отливал легкой синевой. Он выглядел высоким и худым. Его облик вовсе не напоминал молодого мужчину. Этот тип ни капельки не казался юным или красивым. Внешность этого субъекта отличалась странной состаренностью и крайней изможденностью. На маленькой, почти лысой голове торчал кустик редких седых волос. Глубокие старческие морщины пролегли по отвисшим щекам. Мутный взгляд тревожных темных глаз выдавал в нем человека пожилого и очень несчастного. Он с горечью смотрел на Владимира и, казалось, хотел с ним о чем-то поговорить. Если бы не синюшный цвет его кожи, то с такой внешностью он мог вполне бы сойти за мелкого чиновника или стряпчего. Выражение его лица совсем не казалось глупым. Отнюдь. Он горько усмехнулся, глядя на Владимира, и произнес тонким и бесцветным голосом:

– Сударь, я всей душой надеюсь, что вы поможете мне.

– Да, конечно, – смущенно ответил Махнев и подошел ближе к решетке.

Только тут он заметил, что пальцы этого странного существа слишком тонки, и на каждой руке их разное количество. Они скорее походили на паучьи лапки. Он ловко огибал ими прутья собственной камеры. Они не стояли на месте, а постоянно шевелились и двигались. «Синий», как про себя окрестил его Владимир, откинул в сторону кадку, встал на ноги и предстал перед Владимиром в обнаженном виде, во весь свой немалый рост.

– Мне надо с вами поговорить, Владимир Иванович, – вновь жалобно произнес «синий».

– Я слушаю вас, – отвечал Махнев, стараясь не смотреть в противоположную сторону, на двух других существ.

– Понимаете, я проснулся. А тут эта ужасная компания, – он перешел на шепот. – Мне почему-то кажется, что эти двое, – он кивнул в сторону. – Не вполне себе люди.

– Ну, собственно... Может быть, – покраснел Владимир.

– Но, дело даже не в этом. Смотрите, какой со мной приключился афронт.

«Синий» подошел ближе к решетке. Его паучья лапка указала на область ниже собственного пупка. Владимир посмотрел на это место. Область паха оказалась пустой. На ней отсутствовали все половые признаки.

– Простите, сударь, а где же мой член?! – с раздражением и громко взвизгнул синий.

Его визг распался на множество таких высоких звуков, что у Владимира вмиг заболела голова. Он схватился за уши.

– О, господи, зачем вы так кричите? У меня лопнут барабанные перепонки. Что за звук?

– А вы? Как кричали бы вы, если бы у вас поутру пропал член?

– Да, конечно. Подождите, я что-нибудь придумаю. Я попробую узнать. Мы пришьем. Притачаем.

– Притачаете?! – снова взвыл синий.

От звуков его голоса, двое других шарахнулись в сторону и залопотали что-то тревожное, на незнакомом Владимиру языке. Честно говоря, эти звуки вовсе не походили на человеческую речь.

Владимир с трудом заставил себя посмотреть на двух других инкубов.

Пришло время описать именно их...

Тот, что сидел во второй клетке, напоминал собою желе или студень. Нет, он не был бесформенным. У него были совершенно четкие контуры мужской фигуры – вполне себе мускулистой, с рельефными линиями. И линии эти напоминали лучшие образцы античного телосложения. Но сам инкуб выглядел прозрачным. Тело его походило на плотно-сбитое желе или стекловидный каучук. Оно не расползлось по сторонам и сохраняло форму. Но в форме этой отчетливо проступал контур всех внутренних органов и кровеносной системы. Этот инкуб напоминал собою манекен из анатомического театра. По нему было бы легко обучать студентов-медиков. Прозрачная голова содержала даже полушария маленького, словно грецкий орех, головного мозга. Однако лицо... Лицо «прозрачного» выглядело некрасивым и ужасно глупым. Невинные голубые глазки с тихим упоением смотрели на своего незадачливого создателя. А толстые прозрачные губы расплзались в благостной улыбке. Казалось, он был вполне доволен собственным видом. Между ног у него болтался коротенький, совсем скромный половой член. А прямо под ним, на сером каменном полу, растекалась желтая лужа. Причем, Владимиру было отчетливо виден весь процесс производства сей жидкости и выход ее наружу...

«А если он начнет испражняться и иначе?»

Ему даже показалось, что спертый воздух лаборатории, пахнувший травами и касторкой, обновился совсем иными «ароматами».

Владимиру стало трудно дышать. Ему хотелось как можно скорее улизнуть из этого подвала, именуемого «Похимостной лабораторией» и вырваться на свободу.

Его тошнило.

Нелепее всех выглядел третий. Цвет его бугристой кожи отливал лимонной желтизной. Третий инкуб оказался вдвое больше двух своих братьев. Это было мощное существо с сильно развитыми руками, широкими плечами и короткой бычьей шеей. Оно сидело в своей камере на перевернутой вверх дном кадке, согнувшись пополам, и сосредоточенно занималось аутофелляцией².

Да, мои дорогие читатели... И это было просто ужасно! По крайней мере, наш герой был несколько ошарашен действиями новоиспеченного инкуба.

В отличие от своих вяло развитых соседей, «желтый» обладал мужским достоинством поистине исполинского размера. Сладко причмокивая и издавая какие-то утробные звуки, полные неземного блаженства, инкуб совершал несколько поступательных движений толстыми, ярко малиновыми губами вдоль внушительного приапа. А после отстранялся на мгновение. Маленькие черные глазки с гордостью и обожанием смотрели на собственного друга, торчащего аки окоренное бревно. Более всего Владимира поразили крупные размеры раздутой головки диковинного пениса. Она была огромной и лиловой. Сия великанская конструкция, отполированная слюнявым языком «желтого», поблескивала, словно сахарный леденец с дешевой уездной ярмарки.

– Да, с маскулинностью этого субъекта я явно перестарался, – прошептал Владимир.

Он вспомнил о том, что по заданию Виктора новые нежити должны были являть собою образцы лучшей мужской породы. Они должны были родиться красивыми и сексуально развитыми.

² Аутофелляция (от др. греч *αὐτός* ауто – сам и лат. *fello – cocy*) – фелляция, при которой мужской половой член ласкается собственным ртом и языком.

– Запомни, Махнев, ты обязан сотворить отменных юношей, кои имели бы все шансы, понравиться нашим дамам. И не просто нравиться – желательно, чтобы они и на деле могли соответствовать статусу хороших любовников. Во всех смыслах, – загадочно повторил Виктор. – От них должно пахнуть откровенным пороком и лучшим французским одеколоном. Я жду от тебя обольстителей экстра класса!

– Патрон, не стоит упрощать качества хорошего любовника. На мой взгляд, кроме физических данных, мужчина, могущий иметь репутацию отменного любовника, должен обладать неплохим интеллектом и даже, не побоюсь этого, являться носителем определенной человеческой породы, – возразил демону Владимир.

– Ты полагаешь? Хм, интеллект? – демон лукаво усмехнулся. – А propos, я знаю многих светских львиц, которые в салонах и на раутах производят впечатление тонких штучек и аристократок, любящих поэзию и искусство. Они неплохо разбираются в европейской культуре, живописи, новинках капризной моды и даже политике. По утрам они кушают кофе «glace plombières» и томно просматривают свежую прессу. И, глядя на них, можно подумать: «Футы, ну-ты...»

– Да, – усмехнулся Владимир. – Мне такие знакомы.

– Так вот... Со стороны можно подумать, что в их постелях бывают лишь дипломаты, особи графских или княжеских кровей, политики или чиновники при высоких государственных должностях. Так?

– Так.

– А ты посмотри, Володенька, кто на заре выходит из их надушенных спален, лениво почёсываясь и натягивая поношенные портки?

– И кто же? – уже вовсю смеялся Владимир.

– А выходит от них какой-нибудь конюх Селиван или приказчик Фёдор. И ничего-с. Как ты думаешь, много ли сии светские крали разговаривают с конюхами о политике и поэзии? Я полагаю, что немного. А ты – интеллект! Хотя, – демон задумчиво посмотрел на Владимира. – Отчего бы и нет? Ты у нас парень смысленный. Равных тебе в смысле ума и природной смекалки во всём моём царстве не сыщешь. Поэтому – я вполне допускаю, что твои инкубы могут быть на порядок умнее всех остальных. Ведь многое зависит именно от создателя. Вот мы и поглядим. Кстати, самых смысленных, да пригожих, мы с тобой используем в полетах. Подпустим их в яви к нашим светским львицам. А? Как думаешь? Представь только такой карамболь – Ох, ах, она влюблена, очарована, надежды питает, а он, подлец, три дня побыл хорошим любовником, да поутру истаял. Жижей болотной изошел. Каково?

Демон хохотал.

* * *

Владимир живо вспомнил всю беседу с учителем, произошедшую несколькими днями ранее.

Но его мысли прервал «синий».

– Владимир Иванович, вы что, не слышите меня?! – крикнул он так, что у Владимира вновь загудело в голове. – Где мой член?! Отчего у этого субъекта он до неприличия велик, а у меня? Где он вообще?!

– Да-да. Сейчас, я что-нибудь придумаю. Я прочитаю в гримории. Я сделаю. Я исправлю! – Владимир пятился. – Вы потерпите. А, собственно, зачем он вам так срочно?

– Зачем? – взревел «синий».

Но он не успел привести нашему герою свои новые веские аргументы.

Из камеры, где находился желтый гигант, раздалось натужное кряхтение. А после...

Владимир увидел кульминацию ритмичных движений этого омерзительного трупа. Процесс аутофелляции наконец-то был завершен. Исполинский приап «желтого» исторг такую мощную струю белого семени, что она сначала ударила в высокий потолок лаборатории, подобно пенной струе в руках Самсона, раздирающего пасть льва в фонтане Петергофа. А далее струя с шумом опала на каменный пол, залив собой все соседние камеры.

Владимир похолодел, а после выругался.

* * *

Несколько ранее

И вновь, мои дорогие читатели, мы отлетим на время от мрачного подполья новой похимостной лаборатории нашего героя и вспомним о ЛЮБВИ.

Да, да, вы не ослышались. Мы вспомним о самом прекрасном человеческом чувстве.

Глаша... Нежная Глашенька. Глафира Сергеевна.

Его самая родная душа...

Теперь-то он совершенно точно знал о том, что во всех мирах и воплощениях не было для него души ближе и роднее, чем ОНА. Ему никто не говорил об этом. Но это знание пришло само, как некое простое и понятное откровение.

Конечно, он не мог оставить ее в покое.

Много раз он обещал себе, более не тревожить ее. Обещал не интересоваться ею и не приходить в её жизнь. Мало того, что она жила совсем в ином мире, мире Яви. Но, теперь она была вдобавок и замужем. И ей предстояло прожить еще много, по большей части счастливых лет, прежде чем ее душа бы покинула этот суетный подлунный мир. Да, и на что он мог надеяться? Ведь и после её «перехода», их дороги никак не могли пересечься. Никогда... Так сказал Виктор. А Виктор всегда говорил правду. Наверное... У Владимира не было причин, не верить ему. Когда он что-то обещал, то все исполнялось с пугающей точностью.

Нет, Владимир давно уже перестал бояться демона. Наоборот, ему все чаще и чаще приходило осознание того, что трагичная опасность этого господина слишком преувеличена слухами и тщательно созданной им самим репутацией. Вредить по крупному своему любимому ученику – вовсе не входило в планы обаятельного демона по имени Виктор. Они даже стали намного более симпатичны друг другу. И симпатия эта была предметом всеобщей зависти. О ней шептались местные сплетники по углам, втайне мечтая хоть на десятую часть быть такими же Le Favogì, каким до сих пор оставался Владимир.

Возможно, меж ними завязалась бы и более тесная дружба – демон ни раз признавался в том, что имел на нижегородского аристократа свои, особые планы. Возможно, если бы не личность той женщины, которая и не подозревала о том, что ее душа ненароком окажется в эпицентре огненного вихря. Того вихря, где в борьбе за обладание её сердцем, скрестили шпаги два незаурядных джентльмена.

Да, вы правильно догадались, мои дорогие читатели, что яблоком раздора для Владимира и Виктора – стала наша прекрасная героиня, по имени Глаша.

Глафира Сергеевна имела склонность к частой меланхолии и совершенно не понимала собственной исключительности. Как часто люди прекрасные не столько внешне, сколько внутренне, не имеют ровно никакого представления о собственной силе, красоте и значимости.

Но! Какова ее значимость была в глазах тех двоих, безмолвных для нее героев, кто с тщательным рвением наблюдал теперь за ней со стороны.

Владимир порою и не замечал, как неожиданно для самого себя, оказывался рядом с ней. Достаточно ему было подумать о Глафире и точно представить ее облик, как некая неведо-

мая сила тут же выкидывала его в светлый мир. Мир, наполненный паутинками лета, солнечными бликами на веранде, яблоневыми ароматами и криками стрижей. Туда, где дерзко светило полуденное солнце. Сначала он думал, что у него ничего не выйдет, и ему снова придется тащиться в мир Яви по тусклым и отвратительным лабиринтам подземного царства, тем лабиринтам, которые открыл для них немец Кюхлер. Этими путями до сих пор пользовались его товарищи по несчастью – Булкин, Травин и сам Генрих Францевич. Этими же путями ходили многие иные. Но об этом чуть позже.

Однако вышло все иначе, к немалому удовольствию нашего влюбленного героя.

Однажды он сидел в своем доме, возле камина, представляя ее всю, с фиалковыми глазами, нежной кожей, тонкой талией и русыми волосами. И вот, как только он мысленно ощутил аромат ее волос, возле самого затылка, его неожиданно выкинуло в Явь. Сначала он испугался, как бы ему не влетело от Виктора. Но потом решил, что вовсе необязательно докладывать патрону о своих вновь приобретенных способностях. Авось Виктор и не узнает... Да, и вообще – не стоит кому либо говорить о неожиданном randevu в проявленный мир. Даже друзьям. Ну, получилось и хорошо. Лучше об этом никому не знать. Это – его личное дело.

Днём она не видела его. Он мог часами сидеть рядом, на скамейке, и смотреть на ее тонкий профиль. Его пальцы гладили ее щеки, губы, прикасались к волосам. Иногда она вздрагивала и озиралась по сторонам. Он тихо шептал ей: «Я здесь, любимая». Увы, она не слышала его. Лишь только взгляд потемневших глаз становился чуть грустнее.

Как только рядом появлялся ее симпатичный муж, Владимир сразу уходил. Даже любопытство не заставляло его оставаться рядом. Он видел глаза ее супруга, чувствовал поток любви, исходящей из них. Чувствовал всю его нежность. О, как же ОСТРО он все это чувствовал.

И он не мог вынести этого. Он исчезал. Ухался назад в ледяной, но к счастью, короткий вихрь. И тот неизменно возвращал его домой, в свою комнату, в царство Виктора. А там он долго ходил по комнате, нервно сжимая кулаки, либо падал в кресло, возле камина и, не мигая, смотрел на танцующие языки пламени. Но даже огонь не мог согреть его страдающую душу.

Когда-то в детстве ему рассказывали о том, что попав на небеса, люди становятся благостными и равнодушными к человеческим страстям – добрыми и святыми, аки ангелы. Что они лишены чувства обиды, зависти и ревности. Может, так оно и было, на то они и небеса. Его же, не смотря на удаленность от мира Яви, не покидало теперь острое чувство, имя которому – РЕВНОСТЬ. Да, он ревновал ее к супругу. Особенно в те минуты, когда Глафира сама целовала или обнимала Сергея за плечи и гладила его по волосам.

Владимир не мог этого вынести. Бывало и так, что он долго скитался по пустынным и каменистым пейзажам, кои были открыты им в царстве Виктора.

Он много раз думал о том, что вполне рад тому, что Глаша теперь не одна, что она находится под защитой порядочного человека. Что она любима, наконец. Думал, но ничего не мог поделать. Он ее безумно ревновал...

В июне она родила мальчика. Он не приходил к ней в эти дни. Сам процесс родов он считал делом интимным. Все, что происходило с ней ныне, принадлежало лишь ее законному супругу. Он долго оттягивал свой визит. Ему хотелось посмотреть на нее, не изменилось ли что-то в ее лице, фигуре, после того, как она стала матерью. Он запрещал себе думать о ней. И в суете новых заданий демона, даже пытался забыть. Но, однажды вновь неожиданно загрустил. Ноздри с шумом вдохнули аромат ее волос. В этот раз аромат этот возник совсем без его воли. Он не прилагал слишком много усилий, чтобы облако нежного флера возникло перед его лицом. Наверное, он просто слишком соскучился. И его снова выкинуло в её мир.

Она сидела на скамейке в саду. На земле стоял золотистый октябрь. Глаша была одета в изящный плащ на меху и модную шляпку. Рядом с ней стояла детская коляска, похожая на плетеную корзинку. В коляске спал её сын. Сначала Владимир подлетел к ее лицу. Оно

оставалось прекрасным. Ему показалось, что в чертах появилось еще больше обаяния. Глаша встала со скамьи. И подошла к сыну. Она наклонилась, потрогать его маленький носик. Вместе с ней к младенцу наклонился и Владимир. В ноздри ударил младенческий запах. Этот запах он отлично помнил, благодаря самым жестоким урокам, которые сотворил с ним демон. Он вспомнил себя в теле незабвенной Машки, и его охватила, казалось бы, забытая тоска по Васеньке... Своему сыну.

Он сам и Виктор приложили слишком много усилий, чтобы испепелить, забыть и растоптать болезненное чувство тоски по сыну Васеньке и его отцу – Роману Алексеевичу, своему незабвенному Михайлову. А равно и саму женскую природу, в которую он вляпался со всей полнотой своей мятежной, пытливой и тонкой натуры. Вляпался так, что и его рогатый наставник и вся его свита слишком долго не могли привести его в чувства. И только благодаря Глаше, он окончательно изжил в себе все остатки женской натуры, и вновь в нем ретиво разыгралась его многожды хваленая страстная самцовость. Кою он доказал потом в сотне любовных соитий. И вновь местные сплетники разнесли по царству долгожданную весть о том, что с импотенцией Махнева, к счастью, наконец-то покончено.

Но вот он увидел Глашиного сына и едва сдержал в себе набежавшую слезу. Мальчик был чудо как хорош. И он был полной копией своей красавицы-мамочки. Его называли Юрием, в честь деда.

Владимир еще долго рассматривал спящего младенца, пока не отлетел в сторону и не присел на уголок скамьи.

Не без любопытства и трепета Владимир бегло оглядел ее фигуру. Казалось, она осталась прежней, если бы не грудь и бедра. Грудь стала чуточку больше, а бедра несомненно шире. Эта мысль не оставляла его в покое. Как он мечтал увидеть ее обнаженной.

«Откуда берутся байки о бесстрастности мертвых? – нервно думал он. – Иногда мне кажется, что я хочу ее еще сильнее, чем при жизни! О, боже! Дай силы, вытерпеть всю эту муку... Я обязательно войду в ее сон и овладею ею...»

В этот день он пробыл с ней недолго. Он улетел. И стал ждать удобного часа, чтобы проникнуть в ее сон.

Чаще всего Глафира ночевала в супружеской спальне. Владимир считал для себя мове-тоном – прийти в ее сон тогда, когда она находилась в объятиях супруга. Он долго ждал подходящего случая. И вот он наступил: Сергей Юрьевич уехал на три дня по делам в соседнюю губернию. Глафира ночевала в комнате сына.

Махнев пришел к ней задолго до того, как она начала дремать. Маленький Юрочка спал. А Глаша читала какой-то французский роман. Тонкий шелк пеньюара соблазнительно обтягивал ее пышную, молочную грудь. Нежные руки покоились поверх пухового одеяла. Рваное пламя свечи освещало прекрасное лицо Глафиры. В какой раз ее взгляд скользил по прыгающим строчкам. Она читала и не вникала в содержание романа. А после она глубоко вздохнула и перевернулась на спину. Владимир сидел рядом, на краю кровати, и с трепетом смотрел на нее. И вдруг ее глаза наполнились слезами, и она прошептала с горячей укоризной:

– Ну, почему ты мне не снишься? Почему? Ты вновь бросил меня!

– Нет! Что ты! – крикнул он, но она не услышала его.

Она продолжала беззвучно плакать, утирая слезы:

– Володя, ну, где же ты? Приди ко мне... Я скучаю. Я безумно скучаю.

– Глаша, Глашенька... Да, вот же я! Я рядом, – повторял он возле ее головы, целуя в мокрые от слез щеки.

И в этот момент он дерзко и решительно взял ее за руку и потянул ее душу в глубокий, как омут, сон. Она неожиданно зевнула и безропотно утонула в пучине сладкого Морфея.

* * *

И тут же они оба очутились в маленьком и таком знакомом им обоим месте. Это была комната в знаменитой банной горнице, в поместье Махнево. Они оба знали эти бревенчатые стены, обстановку, картины, запах можжевельника. Только нынче, в их совместных снах, эта комната будто лишилась и намека на свое прежнее предназначение. Из нее куда-то исчезли все атрибуты прежней порочности. Изменилась и тематика картин на стенах. Они превратились в обычные, приятные глазу пейзажи. Со стен и из шкафа пропала коллекция кожаных плетей, исчезли и прочие вольности – кресла, распорки для рук и ног, мотки веревок.

Где-то вдалеке уютно стрекотал сверчок, за распахнутым окном по-ночному шелестели ветлы и сосны. Вдали, в роще, пел соловей. Полная луна заливала горницу холодным и таинственным свечением. Ветерок колыхал легкую занавеску.

Глафира сидела на краю кровати. Тонкая муслиновая сорочка с рядом мелких рюш и вышивкой на груди облегла ее полные плечи и натягивалась на высокой и пышной груди. Русые волосы были заплетены в вольную, пушистую косу. Непослушные пряди спускались на чистый лоб и нежную шею. Владимир смотрел на Глашу во все глаза.

Её бедра, живот и ноги, не стянутые корсетом, теперь, в ночи, казались полнее, чем днём. Мягкие руки лежали на сомкнутых коленях. Владимир невольно залюбовался всей ее женской и такой притягательной полнотой. Сквозь белый муслин отчетливо проступали контуры крупных сосков.

– Ну, здравствуй, любимая, – тихо сказал он.

– Володя, ты? Почему тебя так долго не было? Я ждала, ждала... Это снова сон?

– Да, ты спишь. Только так мы теперь можем с тобой видеться.

– Почему ты долго мне не снился?

– Я не хотел тебе мешать. Ты стала мамой.

– Да, – робко ответила она. – Наверное, я подурнела. Беременность не красит женщину.

Я кормлю Юрочку сама. И я поправилась.

– Ты – самая прекрасная, как и прежде. Я люблю тебя. Люблю намного сильнее, чем хотел бы. Я часто бываю рядом. Намного чаще, чем это позволительно. Намного чаще, чем это соответствует нормам приличия. Ведь рядом с тобой все время находится муж.

В смущении она опустила глаза.

– Боже, что я несу? Какие могут быть нормы приличия у такого человека, как я? Если бы я сейчас жил в одном мире с тобой, я бы стал твоим тайным любовником.

Она еще сильнее покраснела и улыбнулась.

– Глаша, скажи честно, ты любишь своего мужа? – неожиданно выпалил он и покраснел. – Прости, наверное, я перехожу границы.

– Володя, Сережа очень хороший, и он любит меня.

– Я знаю, что он тебя любит. Я вижу это. Я не слепой, – нервно ответил он и отошел к окну. – Я спросил тебя об ином: любишь ли ты его?

– Наверное, да, – тихо ответила она. – Понимаешь, я люблю его, но иначе. Любовь к нему полна нежности и благодарности. Но ты... Воспоминания о нашей близости никогда не давали мне покоя. Они как вихрь. Безумный и прекрасный. Огонь и магнит. О, если бы ты знал, как сильно я хотела тебя забыть! Но у меня ничего не вышло...

– Любимая! Не надо! Не забывай меня никогда, – он бросился на колени и обнял ее полные ноги. – Пока ты помнишь меня и любишь, я ТАМ живу. То есть, мне есть, ради чего жить. И хоть будущее от нас закрыто, я верю, всей душой верю, что боги или судьба сведут нас когда-нибудь вновь. Сведут в другой, прекрасной жизни. И я постараюсь, слышишь, я очень постараюсь быть другим. Я хочу быть лучше. Для тебя.

Ее мягкая рука легла на его русые кудри. Своей ладонью он перехватил ее мелкую ладошку и поднес ее к губам.

– Какая ты теплая, Глашенька, – прошептал он. – Ручки, мои нежные ручки, они у тебя все такие же. Только пахнут молоком.

Она в смущении одернула руку, но он удержал ее у своих губ.

– Как ты изменился, Володя... Ты помнишь мои признания тебе в любви? Мне было так больно тогда, когда ты отверг меня.

– Прости, родная. Я просто был слеп тогда. Я был слеп и глух. Когда наш дух разъединяется с телом, то, спустя время, на многие вещи мы смотрим иначе. Мы видим все свои поступки, и сами для себя являемся судьями. О, Глашенька, если бы ты знала, как я судил сам себя за все грехи. А более всего я судил себя из-за тебя. Ведь ты судьбой моей должна была бы стать. А я? Прогнал тебя... Выдал замуж за жалкого недоумка... А далее... Боже, через что только ты прошла из-за меня. Девочка моя любимая. Прости меня, моя любовь. Прости!

– Володенька, – она гладила его по голове. – Счастье мое, родной мой... Я давно тебя простила, – тонкие пальцы смахнули набежавшую слезу. – Господи, даже не так! – горячо зашептала она. – Я всё вру, Лоденька. – Я любила тебя так, что не смогла до конца осудить ни один твой проступок. Ни один. Я всюду искала тебе оправдания. В моем сердце не было и тени осуждения, либо злости на тебя. Один лишь бог ведает о том, как я тебя люблю. Эта любовь сильнее смерти.

– Глашенька, счастье моё, да чем же я заслужил такое чувство?

– Не знаю, любимый. Видно оно родилось в моем сердце вместе со мной и спало во мне ровно до тех пор, пока я не увидела тебя в имении Махневых.

Владимир целовал ее руки, обнимая за круглые колени, и боялся поднять на нее взгляд. Ему было неловко показывать свои слезы.

– Володя, я хочу, чтобы ты знал – я никогда тебе не разлюблю.

– Спасибо, родная. Ради этого я и живу.

– И я никогда о тебе не забуду. А, попав на небеса, я попрошусь туда, где находишься ты.

– Тебя вряд ли пустят ко мне. Да, я этого бы и не хотел. Я однажды уже отказался от этого. Но я постараюсь помнить о тебе, чтобы разыскать в иных мирах и в иных рождениях. Я верю, мы будем когда-нибудь счастливы в мире яви. И прости меня за то, что я был слепым.

– Володя, обними меня крепко. Мне кажется, что я сплю и в нашем сне. Так ведь не бывает...

Он сел на кровать рядом с ней и потянул ее за руку. Она упала в мягкую перину. Взгляд ее фиалковых глаз сделался чуточку бессмысленным. Он прилег рядом.

– Я безумно хочу тебя... – тихо шептал он.

И как это часто бывает во сне, одежда их полностью растворилась прямо на глазах, и голые тела слились, втянулись друг в друга, проросли, словно ветки и корни двух деревьев. Когда он вошел в нее, она застонала от наслаждения и вся поддалась навстречу. Полные ноги широко раздвинулись. Он уткнулся лицом в обильные и немного прохладные груди.

– Володя, я так хочу, – в неистовстве шептала она, насаживаясь на его внушительный ствол. – Как здесь, во сне, все сильнее чувствуется. Как здесь... Боже, я сейчас сольюсь с тобой.

– Сливаются наши души, – отвечал он, двигаясь в ней размеренными движениями и крепко целуя ее в сочные влажные губы.

– Я так много хочу... Свяжи меня. Будь со мной груб. Немного. Я скучаю по твоим играм.

– Все потом. Я буду часто к тебе приходить. А сегодня я лишь хочу быть с тобой нежным. Я хочу быть таким, словно я твой супруг. Я был лишен этого при жизни, – он улыбнулся. – Но знаешь, в этом тоже есть своя прелесть.

– Кто тебе сказал, дурачок, что супружеские ласки всегда пристойны?

– Не знаю, – он рассмеялся. – Я отчего-то именно так представлял себе брачный союз.

– Ну, нет, – она выскользнула из-под него и села верхом на его вздыбленный член. – Теперь я хочу так. Чувствовать его еще глубже. Какой он большой и прекрасный.

Она смотрела на него игриво. Русые пряди волос разметались по ее молочным плечам.

– А, помнишь, как кто-то, в иной жизни, усердно доказывал преимущество больших фаллосов над малыми и говорил, что когда-нибудь ты это поймешь? – рассмеялся он.

Он закатил от наслаждения глаза. Сквозь веки он рассматривал ее нежное лицо и большие груди со вздувшимися от кормления сосками. Когда он видел в ней это, ему казалось, что в голове загораются яркие вспышки, а член каменеет еще сильнее. Он сжал в неистовстве зубы и, ухватив за бедра, вновь перевернул ее на спину и ловко подмял под себя.

– Только так, моя девочка! Только я сверху. Всегда!

– Да! Боже, сильнее... – она кусала губы. – Ударь сильнее. Я так скучаю по той сладкой боли, которую мне мог доставить лишь твой член.

– Хуй, Глаша. Его называют – ХУЕМ!

– Да...

– И теперь я знаю, что в этом я сильнее твоего мужа...

– Володя...

– Молчи! Я знаю, что ебу тебя лучше его... Лучше...

А после ее колени утонули в простынях, и он вошел в нее сзади. Он захлебывался от страсти.

И вдруг он почувствовал, что ее лоно сжалось в сильном оргазме. Она выгнулась и простонала от наслаждения. А через минуту кончил и он.

И в этот миг их тела слились в единое целое. Владимир смотрел на собственную руку и понимал, что это ЕЁ рука. Тоже было и с ногами, и со всеми иными частями тела. Казалось, что они срослись не только кожей, но всей внутренней сутью. Но дальше произошло нечто, еще более странное. С тихим хрустальным звоном от места их общего слияния, прямо на уровне сросшихся животов, оторвался какой-то серебряный, светящийся шар, похожий на ртуть. И повис на высоте аршина. Он повисел с минуту неподвижно и стал медленно вращаться по часовой стрелке. При этом серебряный цвет сменили иные яркие краски. Шар засиял всеми цветами радуги. И от него пошло тонкое, но яркое, лиловое свечение.

– Что это? – испуганно спросила Глафира.

Она аккуратно отстранилась от Владимира и легла на спину.

Глаза, не мигая, смотрели на новое диво, мерцающее в воздухе.

– Если бы я знал, – обескуражено ответил Махнев.

– От него идет тепло. По-моему, это чудо выскочило прямо из нас, – она вновь посмотрела на Махнева и нежно улыбнулась.

– Я тоже впервые вижу подобное... – он привстал на локтях и внимательно посмотрел на шар.

И вдруг они оба услышали тихий звон серебряных колокольчиков, исходящих, казалось, из середины этого объекта. О, боже... Прямо от шара полилась до боли знакомая им обоим Бетховенская мелодия. Это была Лунная соната.

– Господи, – на глазах Глафиры появились слезы.

Шар еще немного подрос, и фиолетовое сияние мерцало в нем настолько ярко, что бревенчатые стены комнаты озарились, словно днем. Куда попадал его свет, там менялась структура старых бревенчатых стен. Они светлели, становясь прозрачными, нежно голубого оттенка. Они походили на сияющую льдистую бирюзу. И из этих самых стен проклюнулось множество зеленых листочков. Они росли прямо на глазах, образуя тонкие ветки. На ветках распускались листья и набухали чудные бутоны. По мере усиления музыкальных аккордов, бутоны взрывались белоснежными цветами, похожими на огромные розы. По комнате разливался пленительный розовый аромат.

– Володя, боже, как это красиво. Я ни разу не видела ТАКИХ снов.

– И я ни разу такого не видел. Это наша, Глашенька, любовь. Это от нее, наверное, всё...

Они прижались друг к другу и упоенно слушали музыку. Теперь в этой комнате было ярче, чем в самый жаркий летний день. Мягкий свет струился от самого шара, стен комнаты, и из окна, в котором и лунный свет стал ярче. Глаша увидела, что луна, огромная сияющая луна, была возле самого их окошка. Казалось, протяни руку и дотянешься до ее шершавого сливочного бока.

– Володя, от этого можно умереть...

– С тобой я готов умирать множество раз и множество раз рождаться.

Постепенно свет луны стал чуть-чуть слабее. Владимир повернул голову к окну – луна отлетела назад. Вращение шара тоже замедлилось, и чудная музыка Бетховена становилась тише. Одновременно с этим потемнели стены. На месте бирюзовых разливов с белыми цветами, проступили обычные бревна. Из окна потянуло холодом. Владимир встал. Полная луна все также сияла над лавандовым полем, но и само поле и диск Селены были теперь слишком далеки от домика и казались отчужденнее и холоднее.

В груди стало тревожно. Владимир взглянул в чернильную мглу леса. На фоне ночных сосен, прямо на уровне окна, висело вдалеке нечто темное, напоминающее фигуру человека. И чем больше Владимир вглядывался в этот странный силуэт, тем более находил в нем знакомые черты. Внезапно силуэт стал стремительно расти и приближался. Сомнений не оставалось – прямо от леса, к их окну, неся его патрон. Одет он был в длинный черный плащ и темную шляпу с пером. Холодом стали, инкрустированной алмазами, блеснула огромная сабля. Волосы цвета вороньего крыла, длинные и лохматые, развевались на ветру. В презрительном изгибе, тонкой полоской застыли губы. А глаза... Его глаза мерцали красными углями.

«Уж не пугать ли он нас собрался? – подумал Владимир, стараясь не падать духом. – Зачем такие глаза? Прямо вурдалак какой-то. Только клыков не хватает. Мог бы и не лезть в мои сны...»

Он отступил от окна и посмотрел на Глафиру. Та недоуменно глядела на него. И вдруг черты ее лица сделались испуганными. Простыни, на которых она лежала, внезапно ожили и зашевелились. Они стали скользить вокруг Глафиры, окутывая ее тело, подобно змеям. Одежда скрутило ей ноги от самых щиколоток до паха. Тонкие пальцы судорожно хватали шелк простыни, но и та, словно живая, ускользала из рук. А после случилось еще более худшее – прямо под тем местом, где лежала женщина, открылась темная воронка, и Глашу со страшной силой стало затягивать в нее.

Владимир подскочил к кровати и едва успел ухватить свою возлюбленную за руку. Она висела над темной пропастью, удерживаемая силой его крепких пальцев.

– Глаша, держись! – кричал он, сидя на краю воронки. – Я тебя спасу. Ничего не бойся. Это все ОН.

– Володя! Я падаю! Мне страшно!

– Глашенька, держись!

Рядом с ухом Махнев услышал металлический голос Виктора:

– Отпусти ее.

– Нет, она разобьется! Ни за что!

– Отпусти, я сказал. Она не разобьется. Она тут же проснется. У себя в постели.

Откуда-то снизу донесся младенческий плач. Да, где-то, действительно, плакал ребенок. Это был плач Глашиного сына.

– Отпусти ее в Явь, – снова скомандовал демон. – Там у нее дитё проснулось.

Владимир почувствовал, как Глашины пальцы стали тоньше. Они будто таяли, словно теплые сливочные тянучки в его горячей руке. Нет, он не отпустил ее. Она сама улетела, истаяла, ушла из его сна, провалившись в неведомую даль, разделяющую два мира.

Владимир разогнулся и посмотрел на Виктора. Тот висел теперь над полом. Ровно на том месте, где еще недавно вращался чудесный шар. Банные стены дрогнули. В окно полетала какая-то лиловая трава. Это была лаванда. Владимиру показалось, что лавандовое поле разрослось по всей земле, и его лапы затекли потоком в небольшое оконце. Странный вихрь подхватил Владимира. Он почувствовал, что смертельно устал и тоже хочет спать. Он зевнул и закрыл глаза. А открыл их уже в своей комнате, в царстве Виктора.

* * *

– Ну, признавайся, как это ты умудрился устроить всё это безобразие? – услышал он недовольный голос демона из темного угла собственной спальни.

– Что именно?

– Не прикидывайся дурачком. Ты не производишь впечатление слабоумного.

– Вас не затруднит, объяснить мне подробнее, что так сильно могло вас поразить?

– Каков наглец!?

Демон встал и прошелся по комнате.

– Я даже не спрашиваю, почему ты снова и снова, без спроса, летаешь в ее сны.

– Виктор, наверное, потому, что я ее люблю, а она любит меня.

– С каких это пор в тебе проснулись такие пылкие чувства? И почему именно к ней?

– Разве не вы сами хотели, чтобы я вновь оброс мужскими признаками, словно баран новой шерстью?

– Признаюсь, хотел. Но, почему она? Разве мало тебе женщин в моем царстве? Любых. Их сотни. И все к твоим услугам. К тому же, я могу отнести тебя в любую точку планеты, в любой уголок земли, в любой предел и даже в прошлое. К твоим ногам падут самые прекрасные женщины всех времен и народностей. Царицы, если пожелаешь.

– Мало, – дерзко отвечал Владимир. – И потом я не хочу иных. Мне нужна лишь Глаша.

Демон расхохотался, запрокинув темную голову. И в хохоте его так явственно звучал металл.

– Я же предлагал тебе и весьма недвусмысленно, а четко и ясно – взять ее сюда. Но разве не ты сам отказался от этого?

– Да, я отказался. Ваша правда.

– Так чего же ты вновь мне воду мутить? Отказался, значит забудь ее.

– Я отказался, чтобы она оказалась здесь, в вашей власти. Но я не обещал, что разлюблю ее.

– Эх, тебя разобрало! Разве не ты при жизни ее всюду гнал? Смеялся над нею, делился с дружкой своим. Кстати, напости, на днях нам надо обсудить один вопрос, связанный с твоим приказчиком.

Владимир вздрогнул при упоминании имени своего старого друга.

– А что ты хотел? У нас еще пропасть работы с твоими старыми долгами. Но, я отвлекся. Итак, я не понимаю твоего нынешнего упорства, Махнев! Какого хрена, ты все время лезешь именно к ней?

– Я же уже ясно изъяснился, что люблю её.

– Ну, ладно. До поры оставим сей дискус. Я также умолчу пока о том, как тебе удастся без спросу оказываться в Яви. Ну, чёрт с тобой, пока летай. Я всегда знал о твоих способностях. Они незаурядны. Я не ошибся в тебе. Чуть позже я проведу с тобой инструктаж о технике безопасности при подобных полетах. Но самое важное – ты не должен никому о них рассказывать. Я знаю, что твои дружки иногда шастают по темным лабиринтам моего подземелья.

Владимир сделал нарочито удивленные глаза:

– Да? В первый раз слышу.

- Ой, ли?
- Определенно.
- Ну, хорошо, – Виктор усмехнулся и посмотрел на свои длинные пальцы, повертел в руках бриллиантовый перстень. – А теперь вернемся к самому главному. На сегодня.
- К чему?
- Ты так и не догадался?
- Нет.
- Каким образом ты родил эфирное облако любви?
- Какое облако? – нахмурился Владимир.
- Шар, что засиял в той комнате, в вашем сне?
- А! Вот, кстати, я и сам хотел спросить о том же. Что это было?
- Ты так и не понял?
- Нет...
- Это была так называемая божественная квинтэссенция человеческой любви. Вернее, одна из ее форм. Довольно примитивная, но все же...
- Ах, вон оно что! А мы с Глафирой так и подумали, что это и было – ОНО.
- Чего ОНО? – демон сузил глаза.
- Оно самое – квинтэссенция, – нарочито дурашливо и беззаботно ответил Владимир.
- Ты издеваешься?! Знаешь ли ты, что таких штук здесь отродясь не летало? Они существуют лишь на иных этажах. И мне может сильно влететь от начальства за то, что я допустил подобное в своем пределе. Как ты умудрился его создать? Говори, каналья.
- Я не знаю. Правда, – равнодушно произнёс Владимир и зевнул. – Мы просто любили друг друга, вот оно и выросло.
- Мда, а я погляжу, ты у нас просто-таки – творец.
- Ну, это уж слишком. Я не могу быть столь самонадеянным.
- Ты то? – демон хмыкнул. – Да, наглее тебя здесь ни одна душа у меня не гостила. Отродясь таких охальников не было.
- Как-то вы, патрон, ко мне без уважения...
- Помилуй, он натворил дел, а я еще к нему должен испытывать уважение? Каков шельмец!
- Демон встал и прошелся по комнате.
- Да, Глафира Сергеевна, безусловно, настоящее сокровище, – вновь мрачно произнес он.
- Магистр, при всем уважении к вам, давайте не будем обсуждать мою любовницу.
- Что уж ты так – низвел ее до роли любовницы? Бери выше – твою возлюбленную.
- Да, я уж и так говорил, что люблю её.
- И что с того? – хмыкнул демон. – Она никогда не будет твоей.
- Но и вашей она тоже не будет, – легко парировал Владимир.
- А это мы еще посмотрим, – захохотал демон. – Дурашка, с кем тягаться вздумал? Что ты, что Глашка твоя – вы же для меня, словно мотыльки неразумные. Одним взглядом я могу вас испепелить.
- Не можете, – запальчиво отвечал наш герой.
- Это почему?
- Да, потому что, не вы нас создали, не вам и судьбы наши решать.
- Не мне? – невидимая сила ухватила Владимира за шиворот, приподняла над полом и потряхнула так, что зазвенело в голове. – Не мне, говоришь? Верно...
- Демон опустил Владимира на пол и хищно усмехнулся.
- Но поверь, сейчас ты находишься полностью в моей власти. И именно в моей власти, сделать так, чтобы твое пребывание в этом мире стало слишком долгим и невыносимым.

– Ну, и зачем вам это? – отчаянно храбрился Владимир. – Не вижу для вас никакого резона в моих мучениях.

– Это почему? Отдам, например, тебя на сотню лет к средневековым инквизиторам. И буду любоваться тем, как отец Рупперт производит над тобою свои бесценные опыты. А, каково? И не сбежишь ты никуда, и не улетишь.

– Ну, и что дальше? – голос Владимира предательски дрожал, но он старался не показывать своего страха, ощущая лишь то, как его тонкая сорочка постепенно прилипала к спине. – Измучите вы меня. Сломаете. А какой вам в этом прок? Во мне сломленном? Зачем вам нравственный калека?

– И то верно, незачем, – усмехнулся Виктор. – Молодец, Махнев. Пять баллов тебе за разумность и смелость.

Демон встал.

– Кстати, ты верно заметил, что каждая ваша душонка сделана не в нашей епархии. Спорить с этой истиной – нет особого смысла. Изготавливать новые души – это удел Творца.

– Да, – задумчиво кивнул Владимир.

– Что да?

– Я про удел Творца только согласился.

– Согласился он. Ты думаешь, что это так сложно, творить вот, таких вот болванов, как ты?

– Не знаю, – вновь задумчиво протянул Владимир.

– Зато я кое-что знаю. И мы здесь тоже кое-что можем. Также не лыком шиты.

Демон почесал подбородок и присел на кровать рядом с Владимиром.

– Значит так... На время мы прервем наш лекционный и практический курс и перейдем к лабораторным занятиям. На время, Махнев, ты примеришь на себя роль... Творца.

– Как это? – опешил Владимир.

– Станешь делать новых людей, – расхохотался демон. – Но, не в вульгарном смысле. Не делиться своим щедрым семенем. Не это от тебя потребуется. Не маленьких Василиев клепать.

Владимир вздрогнул при упоминании имени собственного сына.

– А что же?

– Будем творить души.

– Как же это?

– В похимостной лаборатории.

– А... – разочарованно протянул Владимир. – Это как Горохов что ли? Нежителей всяких замешивать?

– И нежителей тоже. Ты научись их сначала делать, а потом и отзывайся пренебрежительно о Горохове. Он долго длань свою в этом ремесле набивал.

– Да, это и не интересно как-то... Не мое это – с банками, склянками, рецептурой всякой возиться. Яйца голубые проветривать.

– Да, кто ж тебя спрашивать-то станет, голуба? Я прикажу – и станешь ты за века мастером по изготовлению любой нечисти. От змей, тарантулов и мелких драконов, до инкубов и суккубов высшей категории.

– Ну, что ж, – вздохнул Владимир. – Надо, так надо...

Глава 2

Владимир похолодел от омерзения. Белая субстанция, похожая на пузырящуюся пену, медленно оседала на пол. Наш герой пятился к выходу ровно до тех пор, пока его спина не наткнулась на прохладные и жесткие руки магистра.

– Но-но-но! Куда это ты собрался? – тонкая кисть демона тяжело легла на плечо. – Надумал бежать от плодов собственного гения? – демон откровенно издевался.

– Виктор, простите. Но, меня сейчас вытошнит, – Владимир зажимал ладонью рот.

По бледнеющему лицу и вытаращенным серым глазам своего ученика, демон понял, что тот близок к реальному обмороку.

– О, какой же ты нежный, – посетовал он. – Ну, точно – дворянской отродье. Ладно, пошли.

Владимир не успел и глазом моргнуть, как, неведь откуда взявшийся ветер подхватил обоих и унес их на берег неведомого моря.

– Где это мы? – Владимир с наслаждением вдохнул свежего воздуха, напоенного ароматами йодистых трав, соленых брызг и нагретой на солнце мелкой гальки. – Мы в божьем мире?

– Нет, мы всё еще в моем царстве, – самодовольно отозвался Виктор.

Владимир подошел ближе к набегающей волне, наклонился и зачерпнул голубой, искрящейся на солнце воды. Рукава батистовой сорочки намokли почти до локтей. Он тут же заметил, что легкомысленный халат с циньскими драконами куда-то исчез, а сам Владимир теперь был одет в лёгкие жокейские брюки и свежую сорочку.

– Настоящая вода. Морская! – подивился Владимир. – И какая красивая! Аж светиться...

Демон стоял чуть поодаль и наблюдал за радостью своего *le favori*, с тем же упоением, с каким стареющая бонна смотрит на своего шаловливого, но обожаемого воспитанника.

– Виктор, это что, Чёрное море?

– Помилуй, неужто во всех мирах, этажах и пределах, нет иных морей, кроме Чёрного?

– А как называется это море?

– Как? Дай подумать... Я его еще не назвал. Хочешь, я тебе предоставлю сию честь. Назови это море по-своему.

– Господи, но это ведь так почетно, – Владимир растерялся. – А вдруг мое название будет неверным?

– О, какой же ты нудный. Володенька, раз я разрешил, то валяй, – последние слова демон произнес невнятно.

Владимиру показалось, что его наставник что-то жевал. Когда Махнев оглянулся, то увидел демона сидящим за большим столом, накрытым белой скатертью, слегка развевающейся на ветру. Стол сей был сервирован несколькими блюдами, полными фруктов и каких-то ароматных закусок. Посередине стола возвышалась роскошная ваза с белыми розами. Рядом с демоном, наклонившись в почтительной позе, стоял лакей и наливал красное пенистое вино в высокий хрустальный бокал.

«Трудно привыкнуть к вашим бесконечным мистериям, дорогой мой патрон», – отчего-то весело подумал Владимир.

Недалеко от сервированного стола полыхало пламя костра, на котором жарился на вертеле ягненок. Вдоль бесконечного, таящего в легкой дымке берега, тянулась гряда невысоких скал, похожих на скалы незабвенного Крыма.

– Тебе легче? – спросил демон, прихлебывая ароматное вино. – Уже не тошнит?

– Кажется, отпустило, – кивнул Владимир.

– Тогда иди сюда и садись за стол. Скоро будет готов ягненок и мясо на шпаге. Или ты предпочитаешь что-то из морских даров? Я прикажу тогда принести устриц и омаров. В общем,

садись со мною завтракать. А заодно, за нашей трапезой, мы сможем и отменно побеседовать. Не возражаешь?

– Ну, что вы, Виктор. Я очень вам признателен, – растроганно отозвался Владимир. – После душного подземелья и этих трех кадавров, очутиться здесь – это непозволительная для меня роскошь.

– Ладно, считай, что я принял твои извинения за неудачно выполненное тобою задание. И потом, надо признаться, что ты, в общем-то, не сильно и виноват.

– А кто же виноват?

– Бабы! – весело отозвался Виктор. – Во всем и всегда виноваты одни только бабы.

– Помилуйте, патрон. Но, в моем доме нет баб...

– Угу... – Виктор с аппетитом обглаживал жареную куриную ногу. – Садись, уж.

Владимир подошел к столу и присел на свободный стул с высокой витиеватой спинкой.

– Солнце не сильно светит? – поинтересовался Виктор. – А мы его сейчас за облачко отправим.

Владимир, с удивлением глядя сквозь яркие лучи, обнаружил, как в синем небе из ниоткуда образовалось милое облачко, похожее на белоснежный взбитый белок. И облачко это довольно изящно прикрыло собою яркое светило. Но не просто прикрыло, а словно бы прилепилось к одному месту, не подчиняясь законам природы. Оно никуда не двигалось под напором морского ветра, а стояло, будто приклеенное на одном месте, создавая красивую тень на земле. Аккурат в том месте, где восседали наши собеседники. Другим же краем облако отбрасывало целый веер солнечных лучей, расходящихся по всему небесному куполу.

«А чему я вновь удивляюсь?» – подумал наш герой, с трудом сдерживая улыбку.

– Анри, налей моему ученику вина.

Слуга, одетый на манер восемнадцатого века, в белый парик и расшитый галунами камзол, чинно подошел к Махневу и, поставив перед ним бокал, аккуратно налил рубинового вина.

– Попробуй, какой великолепный букет. Это вино из моих погребов. Ему уже три сотни лет.

– Ого! – подивился Владимир, пригубив из хрустального бокала.

Рот наполнился удивительным ароматом. Приятно пахло темным виноградом, копченой сливой, гранатом и какими-то травами или цветами.

– Ты почувствовал аромат цветов?

– Да, это удивительно, – кивнул Владимир.

– В тот год помимо винограда, слив, граната и смоквы, я положил в бочки лепестки лугового разнотравья.

– Это, поистине роскошно, – с восхищением, отозвался Владимир.

– Ешь булки, икру, фрукты, дичь. Сейчас нам принесут жареного ягненка. Завтракай, mon cher.

Владимир с аппетитом поглощал теплые булки с маслом, щедро намазанные паюсной икрой. Серебряная вилка накалывала куски свежего мяса. Рука тянулась к судкам, наполненным немисливо вкусными паштетами, галантирами и прочими гастрономическими изысками.

Как только был утолен первый голод, Виктор повел неспешную беседу.

– Итак, на чем мы с тобой остановились?

– Кажется, на бабах... – неуверенно хмыкнул наш герой.

– Ах, да! – Виктор рассмеялся. – Махнев, женщины тебя слишком уж любят, – констатировал он.

– Почему вы так решили? – с глупой улыбкой спросил Владимир.

– Ты опять набиваешься на комплименты?

– Да, нет, собственно. Я просто немного удивлен, отчего вы именно сейчас заговорили об этом.

– Женщины – это такие создания, которые могут сначала безумно любить, ну и после так же безумно ненавидеть одно и того же человека. И месть их бывает намного коварнее мести любого живого существа. Обиженная женщина – обиду не прощает, униженная женщина – страшной любой беды...

– Виктор, да о ком вы?

– Ты еще не догадался?

– Нет же... – Владимир отставил бокал с вином. – Не томите, какой женщине я перешел и здесь дорогу?

– Да, не здесь, мой друг. Не здесь. Все это случилось намного раньше. В мире Яви.

– Да, о ком вы, чёрт побери?

– О твоей незабвенной Лушке. Лукерье Потаповой.

– Ах, вот вы о ком... – Владимир откинулся на спинку стула и, скомкав тканевую салфетку, отбросил её в сторону. Лицо его вмиг покраснело. – Я, патрон, и вправду, сильно виноват перед нею. Я поступил тогда с ней очень жестоко.

– Во-от! Наконец-то я слышу те речи, ради которых каждый из вас проходит все мои уроки. Неужто и вправду совесть в тебе заговорила?

– Не то слово, – Владимир сжал виски. – Я вел себя с нею, как скотина. Сначала соблазнил и развратил, а после подверг публичной порке и отдал в солдатские казармы.

После этих слов Владимиру показалось, что солнце скрылось не за легким зефирным облачком, а за темной и грозной тучей. Подул сильный ветер, а изумрудное море слегка потемнело. Начинался небольшой шторм. А с неба закапал дождь.

– Но-но! Махнев, не разводи мне тут сырость. То, что совесть в тебе проснулась, это похвально. Будешь замаливать перед Лушкой свои грехи.

– Но как? – брови Владимира удивленно поползли на лоб.

– Как-как? Подаришь букет цветов. Пришлешь конфет. Пастилы, халвы, ландрину. Чёрт, ну что там она любит? Может, пряников тульских, али маковых кренделей. Повинишься... Только искренно – в слезах. Все как положено. Не мне тебя учить, как бабам врать.

– И вы полагаете, что она простит? – задумчиво отозвался Владимир. – Поверите, я здесь даже забыл, как лгал женщинам ранее, при жизни.

– А вот это хорошо. Однако и не хорошо, с другой стороны. Порядочным мужчинам в моем царстве – не место. Они становятся легче, и улетают под купол. Прибываются к другим этажам.

– Правда? – с надеждой спросил Махнев.

– Нет. Вру, как всегда. Какое легче, Махнев? Ты сначала все грехи свои отработай, а потом о «лёгкости» помышляй.

– Так неужто Лукерья Потапова меня простит за всё то, что я сотворил с нею?

– Куда она денется? Может, сначала покуражится, покапризничает для порядку, а потом обязательно простит. Бабы – народ мстительный, горячий, но глупый и отходчивый. Ох, и дуры, я тебе скажу... Отменные дурёхи! – демон расхохотался от удовольствия. – Им начини вновь о любви петь, слезу пусти... Признайся сторяча во всех грехах. Причем, никогда не оправдывайся. А лучше даже – наговори на себя лишнего. Да, много. А после уходи со словами о том, что не достоин такой прекрасной женщины. А дальше – жди! И трёх дней не пройдёт, как сама к тебе прибежит. Не сможет её глупая душонка принять тот факт, что ты и есть самый безбожный негодяй. Чем в больших грехах ты ей признаешься, тем сильнее её натура им противиться начнет. Тем больше ей захочется тебя же и оправдать. Обелить негодного. Не веришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.